

Игорь Н. фон Бекман

ЗАПИСКИ ДРЯХЛОГО СУПЕРМЕНА

Том 2. ПРИКЛЮЧЕНИЯ РУССКОГО БАРОНА

Часть 5. ЦЕЛИНА

Приключенческая повесть

*Целина – это бездорожье,
нераспаханные поля,
неизведанная земля,
испытанья и милость божья.*

*Вечных странствий моих безбрежность
вдаль зовёт меня всё сильнее.
Целина – это неизбежность.
Я всё время живу на ней.
Я.Климанов*

1. В целом монотонный ход истории периодически нарушается всплесками активной деятельности. Народ, осевший было по городам-столицам, вдруг поднимается на крыло и устремляется куда-то в даль, не очень понимая, зачем и почему. Долго, долго стоит пыль столбом. Долго, долго расхлебывают последствия.

Но бывает, что события были бурными, а последствий – никаких. Вроде как ничего и не было. Вспоминается какая-то деятельность тебя самого и всех вокруг, но... как сон.

То бред или реальность?!

Для меня таким событием стал подъем целины. Шума было! Страна позвала на подвиг. Ударили колокола, зазвучали стихи-песни. Люди, машины, эшелоны, партработники, крестьяне, эски, недобитые интеллигенты – все рванули в Казахстан.

Сняв портки (с энтузиазмом)...

Казенный порыв совпал с индивидуальным. Из сталинских тисков – на простор. Дашь Землю и Волну! От голода к изобилию. Догоним и перегоним Америку. Построим Коммунизм.

Конечно, тут же возникли диссиденты. Кто-то вспомнил, что попытки освоения целины уже предпринимались, причем неоднократно и всегда кончались крахом, по силе пропорциональным величине исходного импульса. Говорили, что пахать целину – создавать пустыню с пыльными бурями. Говорили, что вложение тех же денег в развитие центральных областей России принесет экономический эффект и быстрее, и, главное, надежнее в долговременном плане. Но кто и когда слушал доморощенных Кассандр?!!

Странно, но сейчас через полвека после целинных событий я, например, не знаю, прошла ли эта эпопея под знаком плюс или минус. Столько шума и – ничего. Целина осталась где-то в чужом государстве. Что там делается? Сохранила ли почва плодородие, родятся ли там тучные хлеба, или поля давно заброшены и имеют вид полупустыни? Что стало с теми поселками городского типа, что мы строили? Превратились ли они в настоящие процветающие поселения,

или по их развалинам бродят кочевники? Остались в тех краях русские, или разбежались? Есть ли там совхозы, или везде фермеры-латифундисты? Какова, наконец, динамика производства пшеницы на целинных землях? Выпуск хлеба растет, стоит или падает? Кто, в конце концов, оказался прав: скептики или оптимисты? Ответа нет! Даже в Интернете информация отсутствует. Так, отрывки воспоминаний, да целинные песни...

Хоть сам подводи итоги.

Яростный стройотряд....

2. Для меня подъем целины не стал каким-то эпохальным событием. Когда все началось, я еще в школе учился. Но я был в первом отряде Московского Университета, который выехал на Целину не с уборочными, а со строительными целями. Как ни странно, но сумел принять активное участие в организации того, что потом получило название студенческого строительного движения. Сейчас 50-ти летний юбилей строительных студенческих отрядов (ССО) – пора что-то вспомнить. Лавры ветеранов Куликовской битвы покоя не дают. Надо же как-то объяснить какого черта тратили мы летние каникулы на тяжелую работу у черта на куличках, хором песни распевая.

В обществе случаются эпидемии (и даже пандемии) идей – то борьба с раскольниками, то за храм Господня, то за независимость, то за глобализм. Мимо не пройдешь – заразишься.

Вот и наше поколение болело ССО. Лет двадцать. Срок не малый. В те годы студенты не столько учились, сколько заготавливали весь год цемент-древесину, а летом гнали все это добро на юг. Активно осваивали строительные специальности, сколачивали бригады, сначала – любительские, а затем – профессиональные, мало чем отличающиеся от бригад кочующих шабашников. Сначала на Целину возили книги для библиотек, оборудование для химических практикумов школ, развлекали аборигенов спектаклями и просто отсебятиной. Потом с этим завязали. Девуц и хилых романтиков старались не брать, в некоторые стройотряды зачисляли по конкурсу, и конкурс был не ниже, чем в МГУ! Расширилась география: от Целины перебрались на Сахалин, Камчатку, Соловки, Кизи, и почти докатились до Подмосковья. Зарабатывали не плохо, многие приобрели кооперативные квартиры. Навыки пригодились при строительстве дач и ремонте собственных квартир. И если теперь видишь старичка интеллигентного вида, умело размахивающего топором, знай – пред тобой бывший боец ССО. Да, в конце концов, может ты сам, дорогой читатель, или твой приятель (подруга) появились на свет, потому, что предки встретились и подружились где-то под Белой могилой (Акмолинск, Астана по-вашему), строя там что-то зачем-то.

Я тоже болел. Остро, но не долго.

Все позади: придется обернуться!

3. Важные события нужно описывать сразу: в дневниках, летописях, письмах. Иначе все забывается. Детали (а именно они и интересны) стираются, последовательности путаются, места свершений восстановить невозможно. С кем я пил, что и сколько, в какой подворотне, с кем потом дрался, и с какой стати, хоть убей – не помню. Да и пил ли вообще? Как мы тогда говорили – не ясно. Конечно, это – не большая беда. Что забыли – дофантазируем по смыслу. «Врут, как очевидцы!» - сказал Сталин, посмотрев фильм «Чапаев». Это просто, это мы можем...

Проблема в другом. Я знаю судьбы тех, кого вспоминаю. Законченные судьбы, ибо большинства уже нет на свете.

Я знаю, кто из бодрых мальчишек превратился в бандитов, воров в законе, академиков, бичей, бомжей, снабженцев, ученых, профессоров, монахов, невозвращенцев и извращенцев. Я знаю, кто сошел с ума, а кто получил Госпремию (кое-кто это совместил). Кто стал инвалидом, кто спился, кто – повесился, кто кончил жизнь матерью-героиней, а кто проституткой. И теперь, вспоминая индивида Z, я невольно ищу в его прошлом задатки алкоголика, политического деятеля, менеджера или дачного мужа. А может, тогда их еще не было, этих задатков! Экстраполяция настоящего на прошлое – опасная вещь, запросто исказишь картину, причем, до неузнаваемости.

Это я все к тому, что не стану я писать мощную эпопею о Целине и ССО, а ограничусь зарисовками. Глядишь, вранья будет меньше! Хотя и без него нельзя....

*Едем мы, друзья, в дальние края
Станем новоселами и ты и я!*

4. Песня бодрила и звала в даль. Она непрерывно звучала по радио, создавая настроение подъема, но нас (я имею ввиду студентов 1-курса химфака МГУ) она не трогала. С трудом поступив (конкурс для школьников – 18 человек на место!), мы воевали с практикумами, семинарами, зачетами-экзаменами. Коллектив наш таял на глазах. А надо было еще за дамами ухаживать, участвовать в самодеятельности, да в различных соревнованиях, бегать в противогазах вокруг ГЗ МГУ, проводить политзачеты и пропивать стипендию. А мне еще и тратить время на дорогу, ибо жил я тогда в Подмосковье. Короче, официальная пропаганда и жизнь страны была сама по себе, а моя жизнь, и жизнь коллег-приятелей – сама по себе. Ощущался настрой общего подъема, и хорошо. Можно и бодрые песни послушать. А то и попеть при случае.

Однако приближалось лето, и его надо было прожить, чтоб не было мучительно больно....

Тут-то и забрезжила идея целины, но не в плане земледелия или там сбора урожая, а в плане строительства. Не помахать ли нам мастерками, на свежем воздухе? А то засиделись мы в зловонном химфаке...

Обычно история ССО излагается так.

«Летом 1959 г. 320 студентов-физиков Московского государственного университета приехали в Ждановский, Булаевский и Узункольский совхозы Североказахстанской области. В октябре они рапортовали: построено 12 жилых домов, телятник, два птичника и крольчатник. Произведен капитальный ремонт двух животноводческих помещений. С этого рапорта начинается история студенческих строительных отрядов. На следующий год на освоение Казахской целины выехали 500 студентов-москвичей. В 1961 году к москвичам присоединились ленинградцы. Численность бойцов сводного ССО составила 1200 человек. В 1963 году на целине "вкальвали" 16 тыс. студентов из 13 городов Советского Союза, а в 1964 году — 30 тыс. студентов из 39 городов работали в 480 хозяйствах Северо-Западного Казахстана. За пять лет почин студентов МГУ превратился в массовое стройотрядовское движение — в "яростный стройотряд", в увлекательную "деловую игру" великолепно организованную на государственном уровне. Всесоюзный студенческий стройотряд возглавлял Центральный штаб ССО, ему подчинялись республиканские штабы. Затем шли областные, районные и вузовские штабы. Базовой структурой стали линейные студенческие отряды численностью около 50 студентов. Каждому штабу активно помогали администрации соответствующих уровней от правительства СССР до директоров колхозов и совхозов. Сформировались "правила игры", которые включали в себя униформу, символику (знамена, флаги, значки, эмблемы...), стройотрядовские песни, систему поощрений от правительственных наград (была учреждена даже специальная медаль "За освоение целинных и залежных земель"), до грамот всех уровней. Разработан Устав ССО, который вводил понятие "командир" отряда, "комиссар" отряда, "боец" отряда, определял единоначалие командира и его ответственность за выполнение производственного задания и безопасность жизнедеятельности отряда, устанавливал добровольность записи в ССО. Сформировались традиции ССО: сухой закон с момента посадки в эшелон и до возвращения в родной вуз, система внеочередных нарядов за нарушение дисциплины, посвящение новичков в бойцы ССО, карнавал в день строителей, концерты агитбригады для местных жителей, спортивные мероприятия, шефская помощь местным школам (ремонтные работы, подарки в библиотеки, учебные лаборатории, руководство кружками для школьников) и, конечно же, песни у костра до утра.»

Все так. И не так!

Физики сыграли свою роль, спорить не буду. Но кто думает, что до них на целину никто не ездил, тот ошибается. Ездили и еще как! Песни мы действительно пели, хором, при каждом удобном и неудобном случае. Для удовольствия и протеста. И конечно не у костра: степь - не тайга, дров не наломаешь. Разве что подожжешь какой овин или стог соломы. Песни орали весь день, а к ночи затихали – удалялись в степь с дамой сердца и любовались полной луной. А то на базе плохо видно. Про сухой закон – первый раз слышу: пили мы всегда и везде, и пили по-черному. В том-то и состояла трудность нашей жизни, что деньги, взятые из дома, мы пропили

еще до Петропавловска, облевав все сортиры, а кое-где и купе. А заработанные на целине деньги, кончились где-то на перегоне Челябинск-Сарапул, так что в метро прорывался без билета - купить его было не на что. Ни тебе посвящения новичков в бойцы, ни тебе нарядов за нарушение дисциплины, ни формы-униформы. Да и не ощущали мы себя никакими бойцами. Мы были свободными людьми, и плевать хотели на всех начальников вместе взятых... и по отдельности тоже. Особенно – на своих.

Оттепель была на дворе, ребята. Оттепель!

Теперь о романтизме.

Снова – к тексту бывшего в наши времена салагой, а теперь ветерана ССО В.Е. Гантмахера. «По романтической привлекательности поездка в стройотряд соизмерима со штурмом горной вершины.» Не знаю, не знаю... Лично я на вершины гор предпочитал (и предпочитаю) забираться в гордом одиночестве. Никого брать с собой и тем более выяснять, кто он такой (как это предлагал делать Высоцкий) не собираюсь. Для меня альпинизм и толпа оголтелых студентов, месящих бетон, вещи разные. На перевалах я наряды не заполняю, шифер не ворую и денег из местных начальников не выбиваю. И свою страховку какому-то мудаку никогда не доверю. Как-нибудь без сопливых мастеров спорта на пик заберусь. Штурм горных вершин (особенно семитысячников) – удел одиночек. Так что сравнивать романтизированную шабашку с траверсом ледника никак не могу, уж извините...

Далее: «В студенческие годы желание испытать себя, свою судьбу, друзей было настолько сильным, что в ССО были конкурсы до 5 человек на место. Не всем, кто выдержал столь высокий конкурс, работа в ССО оказывалась по силам. Кто-то не выдерживал испытание сухим законом, кого-то подводило здоровье, кто-то просто переоценил свои возможности».

Конечно, кто-то, каких-то испытаний не выдерживал, но мы – отцы-основатели бросили это дело совсем по другим причинам, можно даже сказать, по прямо противоположным. Обстановка в стране менялась, оттепель заканчивалась, начался возврат к сталинизму, настала пора закручивать гайки. И ССО оказался удобным инструментом. Где ты внедришь единоначалие, да еще среди студентов? Кого ты еще оденешь в форму и заставишь строиться? Где в наше время может развернуться институт комиссаров? В обычной жизни – нигде, а в ССО – пожалуйста! Конечно, страна полна мазохистов. Кому-то приятно принадлежать стае (банде, тейпу, партии), приятно единство душ, приятен порядок, («Все, как один... В едином порыве...» и т.д. и т.п.). «Наши» - со значками-эмблемами и надписью на спине, и «не наши» (с надписью на груди или вообще без нее). Приятно, что кто-то другой (отец народов, командир отряда, бригадир, которого ты сам себе посадил на шею) думает о тебе, решает, как жить, что, как и где возводить (или ломать), и даже как тебя поощрять-наказывать. Да и садисты всегда найдутся, чтоб выйти в начальники.

Только не все в популяции мазохисты. Далеко не все....

Супермены с быдлом не водятся, даже в стройотрядах. Им воля нужна.

С познанием мира тоже как-то туговато. Какое познание, когда весь срок мотаешь в одном сельце и если и общаешься с каким аборигеном, так и тот – местный прораб. А после 12-ти часов коммунистического (синоним рабского) труда, тебе уже дела нет ни до окружающей среды, ни до внутренней.

Вышеупомянутый ветеран захлебывается восторгом:

«... испытания действительно были суровыми. В июле – зной до пятидесяти градусов в тени, в сентябре – заморозки. "Казахстанский дождик" – ветер, обжигающий и забивающий песком глаза, уши, рот. Воду возили только для пищеблока и приготовления раствора. Рабочий день 10-12 часов, никакой механизации, все вручную. Как на праздник, раз в две недели возили в баню, в ближайший райцентр за 30-50 км. Ночные дежурства, т.к. некоторые из "аборигенов" активно выступали против освоения целины, поджигали новостройки, вырезали бойцов ССО целыми палатками.»

Страшно, аж жуть!

Здесь самый смак – отсутствие механизации. А как же! Мы ж не немцы какие... У нас свой менталитет! Крепостное право в стране, правда, отменили, так ведь недавно – не привыкли еще...

А теперь о главном: о пропорции деньги-романтика.

«Нас часто спрашивают: "Неужели единственным мотивом для поездки в ССО была романтика?" Нет, конечно. Многие ехали заработать денег. Некоторые ребята жили на одну стипендию. На заработанные деньги они покупали одежду, обувь, предметы первой необходимости, книги. Но даже у них романтическая составляющая мотивации была основной (деньги можно было заработать не только в ССО). Первый раз я выехал в ССО в 1961 году. Все заработанные деньги мы перечислили на строительство памятника героям-комсомольцам, погибшим во время Великой Отечественной войны. Что заставило нас добровольно подать заявления в ССО, если с условиями поездки мы были ознакомлены заранее?!»

Ну, с отчислением в пользу бедных у нас в МГУ было просто: фиг вам! Самим на пропой не хватает. Романтическая составляющая если и была главной, то только – первые годы. «Звездные мальчишки», мы вырывались из тухлой Москвы на простор, чтоб хлебнуть адреналина. Ехали все – от дочек министров до студентов мехмата (Вы математика с бензопилой когда видели? Я однажды встретил – впечатлений на всю жизнь). Но потом дело к рукам прибрали «деловые люди». Загнали стихию в барак. Маминых сынков-дочек, очкариков-шахматистов, певцов-романтиков из отрядов выкинули. Серьезные ребята набирали крепких мужиков (ну и их боевых подруг, естественно), владеющих строительными специальностями, способных вкалывать сутки напролет, а главное – неукоснительно соблюдать принцип – начальник всегда прав. Именно он – бригадир-благодетель раздаст нам блага. Теперь во главе отряда не мог стоять какой-то задрипаный первокурсник, только – аспирант, с.н.с., а то и зав.лаб, полысевший на трудовой ниве. Из этих крепких братков-командиров (даром, что с высшим образованием) вышли потом знатные фирмачи-олигархи. (Дерипаска, к примеру, окончил физфак МГУ). Еще в нежной юности научились они заполнять липовые наряды, обманывать местное начальство, воровать стройматериалы, приписывать объемы, давить конкурентов, усмирять бунты в родном коллективе, не платить налоги. Пригодились эти навыки, когда началась Перестройка, ох как пригодились! Больше, чем навык бетонщика, а уж тем более физика-лирика...

Юношеская романтика полезной штукой оказалась.

Последний аккорд: «Стройотряды — это не только романтика. Стройотряды – великолепная школа воспитания характера, трудолюбия, ответственности, организаторских способностей. Через эту школу прошли многие нынешние руководители предприятий, учреждений и администраций...»

Да, но что вышло из этого воспитания характера-трудолюбия-ответственности и других полезных черт? Что удалось свершить этим поздним шестидесятникам? Много чего. Это поколение уничтожило коммунизм (идейную основу ССО), развалило страну, отправив целинные земли целиком за границу, уничтожило армию, индустрию, сельское хозяйство, в принципе, все - до чего сумело дотянуться.

Грубо говоря, бодрые детки, командиры-комиссары, повзрослев, ПРОСРАЛИ СТРАНУ. Именно вы создали новую форму бандитского капитализма, прибрали все богатство страны, потом, прихватив чад и домочадцев, рванули за бугор. Внедрять навыки бойцов ССО в американскую среду. Что стало с построенными вами объектами? Все разворовано-сожжено-сгнило. Осчастливленные вами люди, в результате вашей же активности, брызнули в стороны, бросив все, включая продукты вашей деятельности. Так что не можете вы теперь водить потомков на экскурсии, небрежно замечая: «эту улицу, между прочим, построил я!» Нет этой улицы. И поселка нет – одна полупустыня, да обвалившийся гипсовый памятник колхознице со снопом, к грудям прижатым...

Борьба за возрождение крепостного права, за круглосуточный труд без механизмов, за насильственное внедрение своих идей, за единоначалие и униформу, равно как оболванивание молодежи романтическими лозунгами (Пахмутовой – отдельный привет) – не бывает безнаказанной. Дураки с инициативой к добру не приведут. Не веришь? Оглянись с холодным вниманием вокруг...

Простой совет: помалкивали бы вы, ребята, о своей комсомольской стройотрядовской юности, а то, поди, накажет вас народившееся поколение, как тех господ за гусекрадство.

А я вот, положивший начало этому безобразию, сижу здесь и каюсь.
Присоединяйтесь!

*В нашу гавань заходили корабли,
Большие корабли из океана.
В таверне веселились моряки (Ой ли!)
И пили за здоровье атамана*

5. Вернемся, однако, к истории. Без роли личности не обойтись (как нам – без атамана, без батьки жить нельзя на свете, нет!).

Как я уже упоминал, в конце пятидесятых студенты, добровольно-принудительно, почти регулярно ездили на целину. Не только МГУ - отряды с ФИЗТЕХа и МИФИ были там уже в 1957. Участвовали в том, что потом одни назовут преступлением, другие – большой ошибкой, третьи – школой жизни.

Они направлялись на уборку урожая. Студенты университета ехали в теплушках, причем поезда грузились на территории МГУ под пристальным взглядом гранитного Ломоносова привыкшего смотреть на тюремный лагерь строителей (сейчас на месте того лагеря и железнодорожных путей – фундаментальная библиотека; прошлое – лишь в памяти свидетелей). Но уборка – она в сентябре, т.е. в учебное время. Это не нравилась ни воякам, ни марксистам-философам. Стали думать, как быть: студенческий труд (малоплатный, или совсем бесплатный) нельзя упустить, но и использовать так нельзя. Осенью на целине дел невпроворот, но учебный план не позволяет, езжай летом, но что там на полях делать? Васильки выдирать?!

Наиболее активно поиск вели физики. Ничего удивительного – тогда физика вбирала в себя ушлых и сообразительных. Уже в первых отрядах не все трудились на комбайнах-сенокосилках. Некоторых аборигены привлекали себе в помощь при строительстве усадеб, были случаи и совхозных заказов. Ребятам скоро стало ясно, что на строительстве можно заработать хоть не большие, но все же деньги (за работу в поле вообще гроши начисляли). Так что положительный опыт постепенно накапливался. Вот тогда-то наши физики и реализовали критическую массу – завязали с уборкой и махнули на целину не в сентябре, а в июле-августе 1959 года. Уже, как строители. Эксперимент удался и в 1960-ом году (а я о нем и говорю) решило туда податься все МГУ, ну и химики, естественно, тоже.

По тогдашней привычке можно было сразу послать туда всех, ничего никому особо не объясняя, все бы, как миленькие, поехали (за исключением больных, беременных, да блатных). Но объявили вольную – езжай, коль хочешь, а не хочешь – сиди в Москве, в библиотеке клей журналы, или поли картошку на ближайших полях. Отруби срок и вали в Сочи, или еще куда – твои проблемы.

Агитация, однако, велась. Возник даже аспирант – куратор радиохимиков, о существовании которого до того мы не подозревали. Собрал нашу группу и сделал доклад. Ничего более скучного в жизни не слышал. Он был однажды на целине, но, видать, восторга не испытал. Степь он как-то не заметил – внедрял дисциплину в массы. Масса сопротивлялась и однажды подбила ему глаз. Он не поленился перечислить все наши возможные преступления (игра в карты, выпивка, отращивание бороды, траханье местных дам, отлынивание от работы, несанкционированные уходы в поля) и конкретные кары за них. Напирал он на то, что мы должны... Мы, оказывается, всем чего-то должны. «Пошел ты..., – подумали мы в итоге, – сам езжай, тебе там место» (он однако не поехал и скоро стал директором спецшколы).

Тогда нашим первым курсом занялась ветераны-целинники (уже тогда такие были). Провели пиар-акцию.

Собрали человек 300 в БХА, развесили по стенам свои стенгазеты со смешными фотками и карикатурами, немного выступили с воспоминаниями. Мы катались от хохота. Нам то же хотелось так... Потом они пошли в массы, расселись группками меж нас, достали гитары и стали петь. Да

не «Подмосковные вечера» или там «Не кочегары мы не плотники», не казенно-добровольные и не специально-химические, типа

Мы отравим весь мир меркаптаном,
Будут трупами морги полны,
Мрачный запах пойдет к марсианам,
К обитателям хладной луны

Или типа

Мы рождены, чтобы пролить, что может литься,
Рассыпать то, чего нельзя пролить.
Наш факультет химическим зовется –
Мы вечно будем химию зубрить.

Или общестуденческую

Раскинулось поле по модулю пять,
В углу интегралы стояли,
Студент не сумел производную взять,
Ему в деканате сказали:...

Или гимн:

Бей профессоров – они гадуки
Они нам замутили все науки
Эти мы и сами знали. Нет! Они пели собственные целинные песни.
В кабачке московском мы сидели
Фюрер наш Горшков туда попал
И когда порядком окосели (Драга!)
Всех он в Казахстан завербовал.
В края далекие, поля широкие,
На тропы те, где бродят ишаки.
Без вин, без курева, житья культурного
Куда завез, начальник, отпусти!

Начальник, он же фюрер-атаман – спортивного типа малый – встал и церемонно раскланялся. Он не был тогда ни завлабом, ни председателем докторского совета, ни даже секретарем партбюро факультета, но все равно в наших глазах стоял высоко: как никак – дипломник.

Но целинники не хотели быть серьезными:

Цветет казахстанская рожь
Ползет под рубашкою вошь
А вот разъедемся мы,
А вот разъедемся мы,
А вот тогда ты ее не убьешь!

Затем перешли на девичью-лирическую, можно сказать - романс

Виновата ли я, что на силосной я,
И ласкает меня зерноплюй.

Но не в этом она виновата, а в том, что говорила ему – не целуй! А, может, не виновата, никак не поймет.

А кто из нас виноват –
Разберет деканат,
Если сами мы не разберем.

Во времена были! Деканат разбирал личные конфликты студентов. Сейчас, даже трудно представить....

Для гармонии юмор должен переходить в ужас. Мрачные ритмы:
По ночам там совы кружат
Спят могилы в тишине

Мертвецы одни не тужат
 На проклятой целине.
 А тумба-тумба раса
 Тумба-тумба раса
 А-а, а-а.
 А-а, а-а

Ночью выйдешь из палатки
 Тень метнется в стороне
 И душа уходит в пятки
 На проклятой целине

Там чучмеки роют ямы
 Все хотят спалить в огне
 Не останемся ни дня мы
 На проклятой целине

Но все кончается благополучно, в стиле оптимистичного хэппи-энда
 Но не раз еще мы будем
 На проклятой целине
 А тумба-тумба раса.....

Бригантина.

Импровизированный концерт продолжался не долго, но интенсивно и эффективно. Под конец староцелинники сконцентрировались в центре амфитеатра и грянули коронную:

Надоело говорить и спорить,
 И любить усталые глаза
 В флибустьерском дальнем синем море
 Бригантина поднимает паруса.

Капитан, обветренный как скалы,
 Вышел в море, не дождавшись дня,
 На прощанье поднимай бокалы
 Золотого, терпкого вина.

Пьем за яростных, за непохожих,
 За презревших грошевой уют,
 Вьется по ветру Веселый Роджерс,
 Люди Флинта песенку поют.

И в труде, и в радости, и в горе,
 Только – чуточку прищурь глаза –
 В флибустьерском дальнем синем море
 Бригантина поднимает паруса.

Песня, написанная, видимо, до войны, совершенно в иную эпоху, удивительно точно легла на наши души. Мне, к примеру, тоже хотелось стать флибустьером- конкистадором или там капитаном с рожей красной. Так сильно, что я им и стал, не на целине, естественно, – в других краях. И позже, много позже....

Сейчас же мы поняли одно: комсомольский порыв..., польза Родине..., патриотизм..., труд во благо – все это – херня. Из мира «Пролетарии всех стран – соединяйтесь!». Ребята, смотавшись кой куда, хорошо оттянулись. Пора и нам.

Судьба, оскалив зубы, улыбнулась...

6. Курс в массовом порядке стал записываться на целину. Глянул наш комсорг на итог, и заколдобился: в списке значились 200 девиц и 3 парня. В глазах встало виденье: встречают его совхозные мужики, а он им: «Принимайте отряд строителей» и показывает широким жестом на женский полк. Каждая из строительниц, конечно, держала хоть раз пилку для ногтей или даже стакан с газировкой. Но не более того. «Ни кочегары мы, ни плотники..». И не каменщики и не кровельщики, кстати, тоже. Эффект гарантирован...

Понял комсорг, что что-то тут не так. Что со строительством возможны проблемы, в том числе - на социально-сексуальном фронте. Ответственность большая, вплоть до уголовной. Кто-то должен охранять наше достояние. Это, как минимум. Не говоря о том, что хотелось бы иметь в команде товарища, способного при ошкурировании бревна промазать топором мимо ноги.

Короче, нужны мужчины. А где их взять? У нас, конечно, не биофак. Но и не физфак. Это точно.

Половой состав на курсе прост: соотношение леди/джентельмены 4:1. Это полбеда. Хуже, что практически все группы были женскими (по 2-3 мужика там, правда, обитало). А остальные представители сильного пола сосредоточены (их и набирали по отдельному конкурсу) в двух группах радиохимиков. В этих группах ни одной дамы нет – чистая казарма, списать не у кого! Потенциал не малый – 54 человека. Правда так было на старте, в марте ситуация изменилась. Среди радиохимиков было много ребят со стажем, в том числе – после армии, подготовка у них была слабая и первая же сессия ополовинила нашу группу, а параллельную - вообще обнулила. Всех выгнали. И весной радиохимики сосредоточились в одной группе, старостой которой я и был.

Понятна наша (и моя!) ценность?

Радиохимики были здоровыми мужиками – их отбирала строгая мед.комиссия, может быть самыми здоровыми в МГУ – работа с радиоактивными изотопами в ту пору считалась вредной. Тогда не знали, что радиация – лишь на пользу. Ребята высокие, видные (мой рост 1.86 м, но в строю я был лишь четвертым). Спортсмены. Много иногородних, из сельской местности. Привыкли печи топить, дрова рубить и кое-что строить. Армию прошли. Вот таких и надо в ССО. Только они не идут. У них свои заботы. И голыми руками их не возьмешь – пошлют тут же. Группа радиохимиков – считай банда разбойников. Или махновцев. («Группа товарищей, т.е. воров»). Анархисты на занятия не ходят, время проводят в пивной по имени «Тайвань», регулярно тратя по 15 суток на общественные работы за активный мордобой в общественном месте. Всю романтику, вместе с коммунистическим порывом, они в гробу видали. Как и я, кстати.

Идея отправки курса на целину, как стройотряда, дала трещину. Реально оказалась под угрозой срыва. По объективным причинам. Операций по перемене пола тогда не было. А

строительство, как не крути, дело профессиональное – не колоски собирать и даже не кукурузу полоть. Рухнет на студенток стена из бута, ими же возведенная, кто ответит? А студентки-то не простые – дочери членов ЦК, секретарей обкомов, генералов КГБ, министров да академиков. И вообще МГУ – это Пажеский корпус: наши студенты - детки наших же сотрудников, включая профессоров, деканов и ректора. Кто им позволит самопадающие стенки возводить?!

Тут уж не до волонтаризма, модного в те времена.

Опять возросла роль личности в истории.

Ситуацию спас я. Единственный случай, когда мои личные интересы совпали с общественными. В следующей жизни я всегда вредил простому народу, а народ вредил мне. Не нравится мне ни демос, ни его демократия...

Я был старостой, и я был согласен строить. Даже хотел. В принципе, этого достаточно.

Сначала я переговорил с верхушкой: комсоргом, профоргом и скрытыми лидерами (основным лидером – формальным и неформальным одновременно – я был сам). На остальных напустил дам. Дамы стали проявлять интерес к нам с первых дней учебы. Вскоре образовался альянс 19-22: женская группа (№19) и мужская (№22). Мы более или менее регулярно встречались, выезжали на картошку, строили (таскали мусор) китайское посольство, участвовали в самодеятельности, ну и танцевали по праздникам. Нельзя сказать, что контакты были тесными, но все же...

Дамы первыми записались на целину. Вот я им и объявил: «Они могут, но не хотят!». Дамы кивнули.

Через две недели весь личный состав группы радиохимиков превратился в энтузиастов-строителей-целинников. А вы говорите: мужской гонор, самолюбие, упрямство; анархия-воля-свобода.

Ха!

*Сиреневый туман над нами проплывает.
Над тамбуром горит полночная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкою я прощаюсь навсегда.
Ты смотришь мне в глаза и руку пожимаешь,
В глазах твоих больших - тревога и печаль...
Еще один звонок - и смолкнет шум вокзала,
И поезд улетит в сиреневую даль.*

7. Как только выяснилось, что мужики-радиохимики с высоким строительным потенциалом (не только со строительным, кстати) поддержали почин, было решено отправлять первый курс на целину. К первому курсу присоединили малочисленный второй и кое-кого со старших курсов. Целиком старшие курсы ехать не могли – у них были лагеря и технологическая практика. Аналогичная работа шла и на других факультетах. Где биологи нашли мужиков – ума не приложу. А были ли математики, вообще не припомню – на целине я их не встречал.

Весенняя сессия еще раз ополовинила группу радиохимиков. Но кто остался, как один, подались на целину (В отличие от дружеской 19-ой группы, в которой некоторые девицы забрали заявления назад. Правильно сделали: в степи воды нет, аборигены лошадиную мочу пьют. От таких аргументов родителей не каждая устоит).

Нас мало, но мы – в тельняшках!

Я же оседлал велосипед с моторчиком и покатил в Загорянку. На дачу к Ольге – бывшее обширное поместье ее предков, ныне разделенное на множество кусков. Барский дом превращен в коммуналку. Места нам там не оказалось, и мы всю ночь провели под сиреневым кустом пытаюсь заняться сексом. Поскольку и я и она до этого ничем подобным не занимались, порнофильмов и Интернета тогда не было, поучиться было негде, то, что получилось в результате продолжительных усилий, вряд ли можно назвать сексом. Но тем не менее.

С Ольгой мы были знакомы давно – вместе занимались в химическом кружке МГУ, участвовали во Всесоюзной олимпиаде школьников, увлекались научной работой в одной лаборатории. На целину она хотела ехать, но не могла по медицинским причинам. И отпустить просто так не могла. Все же я уезжаю в таинственную даль. Кто знает, может, не вернусь, или вернусь другим или с другой. Ей хотелось, что б я запомнил ее не только, как коллегу-химика. А я не мог отправляться в опасное путешествие девственником. Вот и согрелили...

Настало утро отъезда.

Мы собрались на Казанском вокзале. Короткий митинг и нас повели по перрону. Там стоял пассажирский поезд, возглавляемый мощнейшим паровозом ИС. Увы, никаких теплушек (и никаких купе) – обычные спальные вагоны. Поцелуи-прощанья. Ольга обещала хранить верность, я помалкивал. Меня провожали мои старики, но у других родители были молодыми, прямо – юноши и девушки. Многим тоже хотелось хлебнуть романтики. Кому войны мало показалось.

Мы разбились по факультетам-курсам и быстро погрузились в вагоны. И тут из репродукторов (на перроне и в вагоне) грянула музыка. Марш славянки. Тогда он не был таким заезженным, я его услышал впервые. Впечатлило! Особенно, когда старшекурсники выдали хором:

Отгремела весенняя сессия,
 Нам в поход собираться пора.
 Что ж ты, милая, смотришь не весело,
 Провожая ребят в лагеря.

Прощай, родимый край,
 Труба зовет в поход.
 Смотри, не забывай,
 Наш боевой хим. службы взвод.

Не плачь, не горюй,
 Напрасно слез не лей
 Лишь крепче поцелуй,
 Когда вернусь из лагерей

Там, там, там-пам,
 Там- пам-пам-пам,
 Пам- пам-пам-пам

Не совсем по теме, но все равно – хорошо.

Поезд тронулся и понес нас на Восток.

*И мелькают города и страны,
 Параллели и меридианы.*

8. В вагоне стояла кутерьма – шла борьба за полки. И за «купе» по интересам (а кое-где и по полу – были девицы категорически не желавшие находиться в прямом контакте с парнями). Никто не хотел на боковые полки, а все почему-то на вторую – подветренную. Чтоб ветерок обдувал. Жара ж будет Я, как опытный путешественник этого мнения не разделял: уши продует, угольный аэрозоль в глаза попадет, а главное – через пол-дня примешь негритянский вид, и подушка будет черной. Пользуясь силой и авторитетом, я захватил верхнюю полку: ту, что по ходу движения. И в окно можно высовываться и грязи меньше.

Полку застолбил, но расположиться не успел. Из соседнего купе донеслось нестройное пение. Слов не разобрать, но темп хорошо ложился на стук колес:

Цыц вы, шкеты, под вагоны,
 Кондуктор сцапает вас враз,
 Узнаю по пыли черной –
 Прет экспресс Москва-Донбасс
 Чух- чух-чух-чух.

Именно из-за этого чух-чух-чух-чух песня и пелась, совпадая с ритмами поезда и нашими собственными. Хотя, прислушавшись, я понял, что здесь – целая баллада: компашка пацанов путешествует в ящике под вагоном («Ляжь на оси колеса») и содержит даже трагические нотки:

Ну, а где твоя сестренка?

Скорый поезд раздавил!

Так я приобщился к песенному фольклору, который оказался необычайно разнообразен (Это – без Визбора, Анчарова, Галича, Высоцкого, Окуджавы! Которые тогда еще под стол ходили) и о котором ранее я ничего не знал. И песни на время стали формой моего существования. И всех вокруг. Это было какое-то наваждение. Как говорить, ни до ни после...

Так что в этом повествовании без песен не обойтись. Еще раз извиняюсь.

Стали мы устраиваться. И сразу захотелось есть. Факт, широко отраженный в мировой литературе. Времена были не сказать, чтоб очень сытые, но предки расстарались. В нашем мужском купе (включая боковые полки) стол буквально ломился от снеди. Пришлось даже ограничить поставки. Откуда-то возникли тонкие (огнеупорные!) химические стаканы с оттянутыми носиками. Невольно вспомнился химфак. А где химфак, там и химия, а химия – это – спирт. Этиловый, C_2H_5OH , как вы помните. Подарок Шефа в дальнюю дорогу. Хороший спирт, чистый. Не просто чистый, и даже не «химически чистый», а «чистый для анализа»! Вы такой, небось, и не пробовали. «Дымился разведенный спирт в химическом стекле» – сморозил же поэт такую глупость. С какой стати разведенный спирт станет дымиться? И какой мудака разводит спирт? Не иначе, как поэт физиком был...

Мы же были химиками и тренировались в употреблении спирта второй семестр. А что еще пить прикажете? На водку никаких денег не хватит. А спирт бесплатный – отдела снабженья головная боль. («На протирку оптических осей» – это у техников-физиков, у нас – на перекристаллизацию чего-нибудь, да на оргсинтез). Проблема только, как его дотащить от склада до лаборатории, не разбив и не расплескав, ибо поставлялся он почему-то исключительно в 10 литровых бутылках, которые не знаешь как и хватать-то. Так что если вы думаете, что Шеф оторвал последнее от сердца – ошибаетесь – у него еще литров сто осталось. Ему вредно...

Пить спирт надо умеючи, а то глотку обожжешь. Начинаешь с того, что берешь кружку и заполняешь ее водой, желательна холодной. В другой руке держишь химстакан со 100 граммами ректификата, а потом резко так в горло Раз! и не вдыхая, ни в коем случае не вдыхая, запиваешь водой из кружки. Пиво не пей, не надо. После первой, как грамотно рекомендовал классик, не закусывай. А потом да, потом что-нибудь жирненькое, желательна кусок сливочного масла.

Мы так и сделали. Кайф! Выпивки, хоть залейся, закуси навалом, колеса стучат, вагон качается, что еще надо? Посидели мы, немного песни по орали и поняли, чего нам не хватает. Не хватало дам! Во, совсем о девчонках забыли. Катили, катили и докатились. До старческого маразма...

Пошел приглашать лично, такое дело никому не доверишь. Договариваться надо с Наташей, как староста со старостой. Хорошо ходить далеко не надо – соседний вагон. Девицы тоже расположились, рассупонились, обложились снедью, по-богаче нашей, кстати. Спиртик у них, конечно, был. Но мало, небольшая колба с притертой пробкой. Да много и не надо. Они и без него веселились.

Переговоры с Наташей-старостой и возглавляемым ею коллективом №19 прошли успешно, и я с пятью дамами вернулся свое купе.

Там было тихо. Семь мужиков смотрели на меня с благоговейным ужасом и уважением. Я даже смутился.

– Кастыль! – сказал Пашка, слегка заикаясь от волнения – у тебя курица с четырьмя ногами!!!

– Пить меньше надо, – констатировал я, пробираясь на свое место.

– Да нет! Сам смотри!

Я глянул и прибалдел. На столе валялась моя авоська с родительскими дарами, один кулек был разорван, и из него торчала куриная тушка. Действительно, с четырьмя ногами! Чудеса генетики – продажной девки империализма. Пары спирта стали выходить из ушей. Сознание, однако, не возвращалось. Пришлось хлебнуть воды. Помогло!

– Идиоты! Это не курица, а кролик! Млекопитающее! А они, как правило, на четырех лапах ходят.

Кролик! – в свою очередь удивился народ, разглядывая освежеванного и закопченного зверя, – Заяц.

Кролик, Кролик, – успокоила всех Ляля, – у меня мама на них опыты ставит. Очень вкусный!

А вот это она зря. Двадцать рук метнулись вперед, и кролика не стало. Я не успел отведать.

Прибытие дам оживило наш хор. Тема появилась. Диалог начинает она, тихо пискнув:

– А я не пью!

Он (басом):

– Врешь – пьешь!

– Ей-богу нет!

– А бога нет!

Так наливай студент - студентке
Не пьющие студентки редки
Они повымерли давно

Вино! Вино! Вино! Вино!

Оно на радость нам дано.

Непьющих студенток в реальности не оказалось. Пил я, пил и устал. Кто послабже – тот не выдерживает. Залез на третью полку, сбросил чьи-то рюкзаки и отключился.

Когда проснулся, было уже светло. Поезд стоял. Я свалился вниз и глянул в окно.

Широкая река плавно катила темные воды. Волга! – понял я. Поезд располагался вдоль реки, собираясь повернуть налево, почти под прямым углом. На мост. Саратов, – дошло до меня (что-то соображалось, хотя головка бо-бо) – Саратовский мост через Волгу. Он был прекрасно виден. Изящный и мощный одновременно. Красивый и функциональный. Двести лет простоит, как нечего делать. Идеальный пример сочетания техники и искусства.

Саратовский мост.

Спроектировал и построил его Ай-Болит. Так у нас в семье звали старинного друга отца. Я застал уже маленького, дряхлого, суетного старикашку. Ничего в нем не напоминало знаменитого архитектора-путейца, автора чуть ли не всех мостов на Транссибе, министра путей сообщения в правительстве Колчака. Теперь, после трех арестов, тюрем и лагерей, у него появился бзик – он всех лечил. Всех и от всех болезней. Причем – гомеопатией, т.е. практически запрещенными средствами. Где он брал эти мелкие сладкие шарики, которые мы глотали из вежливости (не сам же он их изготавливал, надеюсь) – для меня осталось тайной. Но где-то он их доставал – его карманы, а их было множество – всегда были набиты картонными трубочками, похожими на патроны. Раскрывались они со звуком Чмок! Оттуда высыпались на ладонь белые горошинки. Нужно было отсчитать пять (почему пять?) и отправить в рот. Помогло ли кому? Не знаю. Может и помогло.

И вот я смотрел на его творенье. Замерший в камне-бетоне экстаз мысли. Впечатлило...

Почему ж человечество в целом и Россия, в частности, так обходится с носителями интеллекта? Зачем превращать Инженера (с большой буквы) в гомеопата (с маленькой). Мало у нас шарлатанов?

Паровоз загудел, дал залп дыма и пара, и затащил нас на мост. Мост Ай-Болита, назвал бы я. Хороший мост – под нами не обвалился.

Начиналась Великая Транссибирская Магистраль. Как не вспомнить что-то эмигрантское:

Быстро-быстро донельзя
 Дни пройдут как часы
 Лягут быстрые рельсы
 От Москвы до Шанси
 И мелькнет на перроне
 Белокрылый платок
 Поезд вихрем зеленым
 Унесет на восток.
 Будут рельсы двоиться
 Убегая вперед
 От китайской границы
 До покровских ворот

Много наших проследовало этим путем в Монголию, Китай и далее.

Буду помнить я вновь
 За кордоном Россия
 За кордоном любовь

А мы остались. И получили свое....

*Бегут вагончики по перегончикам,
 За перегонном перегон.
 И с песней движется и чуть не рушится
 От нашей песенки вагон.*

9. Пейзаж поменялся: пошли степи-буераки. Некоторое время я смотрел в окно. Интересно, но не очень. Spasiren geen по вагону. В соседнем купе радиохимики играли в очко на носы. Валера наотмаш (как мне показалось – всей колодой) наносил удары по носу Боба. Пашка считал. Нос Боба пламенел, на глазах приобретая сизый оттенок. Тоже интересно, но тоже – не очень.

В соседнем купе, комсомольский актив исполнял песню Соляникова – нашего факультетского поэта:

Эту песню, песню свободы
 Часто слышали горы Балканы
 Джунгли Явы, реки Китая
 И широкое небо Вьетнама

Хорошая, кстати, песня. Бодрая. В духе времени – борьба за независимость колоний.

Что свобода так не дается
Ее крови ценой добывают

Крови пролили не мало. Только удалось ли достичь Свободы – большой вопрос. Я, как стихийный империалист, ответ знаю, но промолчу. Пойду себе дальше.

В очередном купе народ был занят делом – играл в карты на компот, точнее – на сухофрукты. Большой раскрытый мешок стоял на полу. Мальчики и девочки играли в Кинга. Возглавлял все это дело представительный, можно сказать – корпулентный, мужчина слегка за сорок – единственный взрослый в нашем составе. Доцент Ограновский с органики. Он старался быть как все, ничем не выделяться. Более народным, чем народ. Вот даже карты затеял, чтоб кто не подумал, что он держиморда какой и ратует за запрет в ССО азартных игр, или там пьянок-дебошей. Идея сыграть на компот многих вдохновила, и студенты сюда тянулись. Карт на всех не хватало и многие кучковались вокруг, дожидаясь очереди.

Глянул я на это дело, и прозрел: кагебист-сексот-провокактор. Худшая разновидность – свой среди чужих.

Интересно, как иногда одного взгляда достаточно, чтоб поставить верный диагноз. Впоследствии я неоднократно сталкивался с этим товарищем. Он очень гордился своим братом, погибшим на войне. На войне с фашизмом, между прочим. Но юмор в том, что сам он и был фашистом-нацистом, причем в самом оголтелом виде – каждая его клетка организма была фашисткой. Евреев он ненавидел до потери пульса. Может поэтому избежал фронта – чтоб не мешать немцам давить жидов? Имел я сомнительное счастье наблюдать потом, как он боролся за чистоту рядов студентов МГУ. Возглавляя приемную комиссию факультета. Он, конечно, выполнял это по поручению партии. Но не только – по душевной склонности тоже.

Понял я – предо мною враг. И мне еще придется его уничтожить. Но – потом. Пока – держись подальше.

Подальше – это следующий вагон. Как минимум. Его я проскочил, остановившись на момент послушать песнь про электричество (и наше счастливое будущее):

Не будет стариков - мы все омолодимся,
Не будет пап и мам - мы будем так родиться,
Не будет акушеров, не будет докторов,
Нажал на кнопку- чик-чирик - и человек готов:

Нам электричество ночную тьму разбудит,
Нам электричество пахать и сеять будет,
Нам электричество заменит тяжкий труд,
Нажал на кнопку – чик-чирик – все будет тут, как тут.

Тогда еще верили в науку:

Да здравствует наука! Ура XX век,
Скорее нарождайся электрочеловек.

Верили, что прогресс совместим с наукой, а личное счастье – с прогрессом.

Мы за прогресс, и мы же за науку
Нам электричество развеет мрак и скуку
Нам электричество любой заменит труд,
Нажал на кнопку, чик-чирик – и тут как тут!

Увы! Увы! Увы!

Еще один вагон – и я у физиков. Ребята серьезные – всё на хорошем, профессиональном уровне. В том числе – пение. Пели они не акапелла, как химики недорезанные, а под гитары. Под несколько хорошо настроенных гитар. Очень породистых. 7 классов музыкальной школы, как минимум, а то и все 10. И пели не просто случайные люди, а хор – обученный и настроенный. Как ни странно, возглавлял это дело ни какой-нибудь седой старшекурсник, а молодой пацан, лет 16-ти, только что сдавший экзамены на физфак МГУ, но уже напросившийся в целинники.

Опять же одного взгляда на него было достаточно, чтоб оценить его потенциал. Большой потенциал. Да, это был, ставший вскоре знаменитым, бард-физик Микитин. Тогда еще без своей противной жены. И песни он пел пока не свои:

Есть в Батавии маленький дом,
Он стоит на утесе крутом,
В этом доме танцуют и пьют,
И о чем-то тоскливо поют

Один раз в жизни живешь,
Что можешь от жизни берешь,
Но девушек пылких и рома бутылку
С собой на тот свет не возьмешь.

Дорога в жизни одна,
Всех к смерти приводит она,
Днем раньше, днем позже умрешь,
С собой ничего не возьмешь!

Из-за пары распущенных кос,
Что пленили своей красотой,
С оборванцем подрался матрос,
Подстрекаемый шумной толпой.

Оборванец был молод, силен,
В нем играла и пела любовь
А матрос был совсем изнурен,
Нож вонзился, и брызнула кровь.

Оборванец нагнулся слегка,
Чтоб лицо у врага увидеть,
В нем родного он брата узнал,
И не мог больше слова сказать.

Дико выла, ревела толпа,
И рыдал оборванец босой.
Только молча стояла она,
Белокурой играя косой...

Один раз в жизни живешь....

Прекрасная баллада! Прямо кино. Один раз услышал, а помню 50 лет каждое слово. Потому как сюжет есть, и мораль справедлива. Ведь действительно – один раз в жизни живешь, действительно – что можешь от жизни берешь. А самое главное – ни девушек пылких, ни рому бутылку с собой на тот свет не возьмешь. Так чего копить-жадничать. Дорога в жизни одна – всех к смерти приводит она...

Аминь!

*Стройные пихты летят за окном,
Все так безумно красиво.
В тамбуре вместе стоим и поем,
Поезд идет торопливо.*

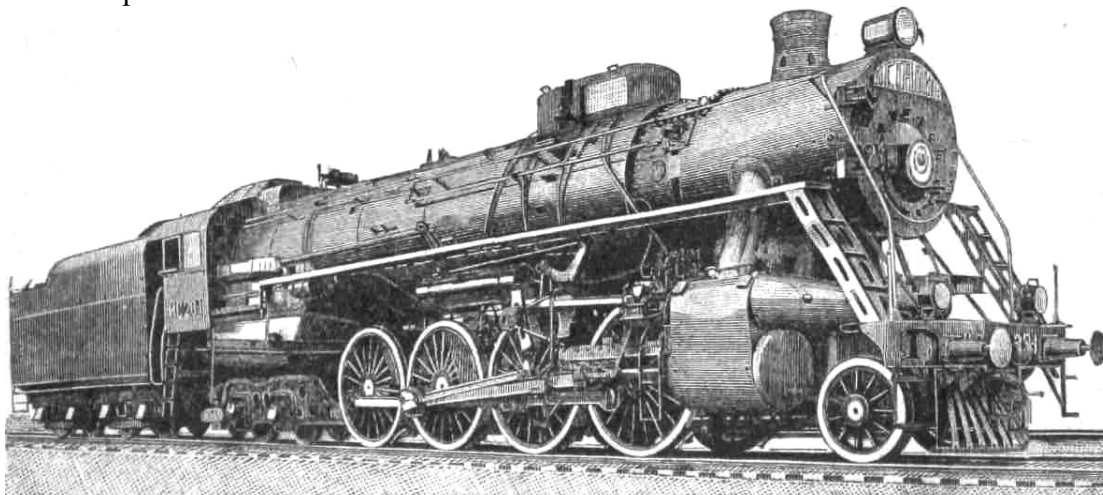
Пошли холмы-горки, поросшие соснами, овраги-обрывы. Уфа! Большая станция. Пора прошвырнуться. Людей посмотреть, да себя показать.

Вечереет, но было жарко. Народ гулял по перрону. Работали киоски, можно затариться папиросами и даже купить московскую газету. Не очень свежую, но все же. Пива не было, только Буратино. Зато имелся настоящий ресторан, с люстрой под потолком и столами с белыми скатертями. В углу – фикус. На стене – выгоревший прямоугольник – след портрета вождя. Поезд стоит достаточно долго, запросто можно пообедать. Супчика, к примеру, похлепать. Тут-то Ленка

Фишман впервые обидела Валеру, заявив, что немых в ресторан не пускают. Во-первых, какое твое дело? Во-вторых, ты – из дружественной группы, так и веди себя соответственно. А в-третьих, почему это он – не мытый, когда он вчера мылся, а сегодня чуть было не почистил зубы, да вода кончилась.

Мы обиделись (полюби нас грязненькими, а чистыми нас каждая полюбит), и пошли смотреть паровоз.

Его как раз меняли.

Паровоз Иосиф Сталин (ИС, потом ФД)

Усталый, весь в мыле, локомотив отдувался, выпуская в стороны и под себя струи пара. Изредка он начинал стучать колесами---тук-тук-тук, как рвану – узнаете. Пугал он. Но сил уже не было. От столба к нему повернули верхушку буквы Г, и сквозь брезентовый шланг ударила струя воды. Паровоз с удовольствием пил. За процессом с высоты одинокой каменной водокачки псевдоготической архитектуры внимательно наблюдал мужик с гуцульскими усами.

Паровоз нравился сам себе, и справедливо – он был красив. Стремительные обводы, какие-то щитки, рассекающие встречные потоки, какой-то мудреный кривошипно-шатунный механизм. Все было идеально. Впечатление совершенства. Ясно, что инженерная мысль здесь достигла предела. Андрей Ефимыч – автор этой железяки - прожил жизнь не зря, искупил грехи молодости (Гражданскую был большевистским комиссаром Сибири и кровушки пролил не мало). ИС (Иосиф Сталин, естественно) как стал, так и остался вершиной отечественного паровозостроения. Его облик даже не портила дыра в передней решетке с рваными краями – вырванный профиль Сталина.

Кстати, интересный пример из теории катастроф – плавное восходящее развитие, сменяющееся крутым обрывом. Несколько десятилетий паровозы совершенствовались и совершенствовались. Достигли пределов своих возможностей. Казалось бы – хорошо, используй их теперь, хотя бы столетие. Ни тут-то было! Через год паровозы исчезли, полностью – как класс капиталистов. Если на целину нас вез паровоз, и кругом были паровозы, вон, напротив стоит мощный ФД (Феликс Дзержинский), далеко ходить не надо, то через год, направляясь в Иркутск, я ни одного паровика не встретил. Вообще ни одного! Тепловозы и электровозы. Скучища...

Так что ты, паровоз, молод и красив, но в твоей красоте заложен конец. Пора на свалку.

Сейчас его меняли на СО (Серго Орджоникидзе). С этим типом я знаком – неоднократно падал с верхней полки, когда он дергал состав или тормозил.

А всё же! Почему природа пошла по пути создания такой сложной структуры, как биологическая клетка, а не сотворила сначала такую простую вещь, как паровоз?!!

Пошли вдоль состава обратно. Бетонная стенка с надписью «КИПЯТОК». Несколько подтекающих кранов. Как в бане. Точно - кипятик, когда кто-то подносил бидон и открывал кран,

из него сначала с шипением шел пар, а уж потом вода, даже на вид горячая. Нужно иметь рефлексы, чтоб вовремя отскочить. А в целом – удобно. Теперь такого нет... Да и не надо.

За низким забором процветала частная инициатива – бабки торговали снедью, молоком, медом, цветами и сигаретами. На вокзал их не пускали, и обмен товар-деньги осуществлялся через забор. Марксу надо провести коррекцию Капитала, включив забор, как высшую стадию. Я купил теплой молодой картошки, политой русским, топленным маслом, банку топленого молока с аппетитной коричневой коркой и кулек вишни.

Тут-то мы и обнаружили, что состав наш идет. И уже довольно давно, так что набрал приличную скорость. И наша перспектива – успеть влететь в последнюю дверь последнего вагона. Эту самую дверь осаждала молодежь, галантно пропуская дам вперед. Естественно, произошло неизбежное – Ляля застряла! Наружу торчала немалая попа, эту попу попеременно снизу толкали семь мужиков, подпрыгивая на ходу. Но без толку. Бедняжку заклинило. Кончилась платформа, мы уже бежали по гравии, перескакивая стрелки, а Лялькины бедра мешали нам жить. Коротать свой век в Башкирии, нам, однако, не хотелось.

Кто-то сорвал стоп-кран. Взвизгнули тормоза, состав остановился. Тут выяснилось, что никаких препятствий нет – пожалуйста, проходите. Ляля призывно махала нам рукой – что ж вы на поезд не садитесь?!

Поезд нас уносит на Восток...

11. В предгорьях Урала движение замедлилось. Дорога стала однопутной, мы долго стояли на полустанках, пропуская встречные составы. Успевали даже сбегать в поля за незрелой кукурузой (в целях безопасности заперев Лялю в купе). Да и паровоз был слабоват, с трудом затаскивая нас на подъемы.

В согласии с новым тактом стука колес, Микитин, теперь пел:

А поезд тихо ехал на Бердичев
 А поезд тихо ехал на Бердичев
 А поезд тихо "Е", а поезд тихо "ХАЛ"
 А поезд тихо ехал на Бердичев

Начало задумчивое, но дальше пошло с ускорением:

А у окна стоял мой чемоданчик,
 А ну-ка уברי свой чемоданчик....

Вокруг мешавшего кому-то чемоданчика началась возня, в результате которой чемоданчик был выброшен в окно. На что пацан радостно возопил:

А это был не мой чемоданчик!!

Комичная ситуация. Но есть какая-то недосказанность, а чей же это был чемоданчик? И как его истинный владелец прореагировал на события?

Потребовалось сорок лет, чтоб я, наконец, узнал, в чем тут дело. Героем оказался вовсе не задиристый пацан, а вполне взрослый товарищ. Чемодан же был тещин (что само по себе приятно) и в нем (главное!) находилось его брачное свидетельство. Так что решительный жест нервного соседа сделал его свободным. Было от чего радоваться.

Приближалась граница Европы и Азии - пропустить никак нельзя.

На какой-то беспричинной остановке мы с Валерой вылезли из вагона и, слегка подсадив друг друга, перебрались на вагонную сцепку, да так и поехали.

Пейзаж стал виден лучше, да и подобный способ перемещения в пространстве романтичнее. На кадры из ковбойского фильма похоже. Только стенки вагонов мешают.

Цепляясь за цепи-скобы перебрались мы на крышу вагона. Вот здесь уже был настоящий кайф. Сильный ветер бил в лицо, клубы дыма изредка окутывали нас, обдавая серным духом (почему серным?), опоры скрипели, повизгивали, шатались, пытаясь сбросить нас с себя. Зато было видно на все четыре стороны. Поезд извивался ужом, лавируя меж сопков. Вверх-вниз, вправо-влево. Туннели: один, второй, третий. Влетаешь, как в ад – внутри дышать абсолютно

нечем, паровоз своим дыханием портит атмосферу. Кажется, не доживешь до вылета из бездны. А потом открытым ртом хватаешь чистый воздух. Волосы полощутся на ветру, а морда все чернеет, чернеет, чернеет. Теперь Ленка точно в ресторан не пустит.

Эффектны пролеты мостов: под тобой широкая река, мост, изогнутый дугой, и фермы вибрируют вокруг.

Начались Уральские горы, пусть по понятиям некоторых и небольшие, но красивые. Кругом тайга, настоящая хвойная тайга, вплоть до макушек округлых холмов. Вот где побродить было бы приятно. Но – мимо...

Обелиск Европа-Азия на Транссибе.

Вот и столб пролетел. Белый каменный. С хорошо видимыми надписями. С одной стороны надпись ЕВРОПА на другой АЗИЯ. Появился и исчез. А мы стали жить в Азии, важной части нашей родной АЗЕОПЫ.

Поезд шел быстро. Начало темнеть, резко похолодало. Пошел мелкий дождь. Стало как-то неуютно. Чтобы согреться решили пробежать по крыше вагона к другому концу. В кино так часто делают. Но ничего не вышло. Крыша вагона оказалась полукруглой, без какой-либо дорожки по центру, или хотя бы серии скоб. Сейчас – скользкая от дождя. Да и встречный поток не слаб, с ног сбивает. Даже холодно как-то.

Поезд, который еще недавно останавливался у каждого столба, теперь мчался вперед. Пришлось нам сползти вниз и усесться на сцепку меж вагонов, тесно прижавшись друг к другу. Здесь хоть не так дуло. Но и не заснешь – вагоны бились друг о друга и дико скрипели на поворотах. Хорошо еще, что привычка к сельской местности приучила меня часами сидеть на корточках. Но все равно утомился.

Глубокой ночью поезд, наконец, тормознул, и мы перебрались в теплый вагон.

А обзор был хорошим. При случае попробуйте. Рекомендую....

*Родины просторы, горы и долины,
В серебро одетый зимний лес грустит.
Едут новоселы по земле целинной,*

12. Целинные земли преподнесли нам сюрприз: мы въехали в аварию. К счастью – в чужую. Утром я проснулся поздно, пошел умываться-бриться, благо туалет был свободен (второй, естественно был закрыт проводниками – чего двойную работу делать?). Блюсти мурло надо? Надо! Вымыл лицо, вытер казенным полотенцем – оно перешло в разряд половой тряпки. А я, было, хотел и шею помыть. Не судьба, однако.

Поезд стоял на узловой станции. Виднелись опрокинутые вагоны, возникали всполохи сварки, визжали бензопилы. На соседнем пути рельсы были вздыблены и скручены, шпалы выдраны и разбросаны. Суетились люди.

История рассказывается так:

...На узловую станцию прибыл эшелон и встал на второй путь. Его машинист рассеянно слушал по радиотелефону переговоры диспетчера с встречным составом. И тут он понял, что диспетчер пропускает скорый по второму пути. Он немедленно включился и закричал диспетчеру. – Как по второму пути? Я – товарный – стою на нём!

– Не мешайте работать! – отвечал женский голос. – Я отлично вижу, где вы стоите. Не слепая!

Тогда обеспокоенный машинист эшелона сам связался с коллегой.

– Слушай, что-то не так! Я, товарный, стою на втором. Сбавь скорость и готовься встать.

Машинист встречного послушал совета, затормозил и поезда встали на одном пути, упершись лоб в лоб локомотивами. Возник скандал. Набежали начальники. Стали ахать, охать и ругаться. Наконец, развели составы в разные стороны. Диспетчера сняли, хотя она и кричала, что виноваты машинисты, которые сами все перепутали и не выполнили ее команды.

Через месяц её восстановили в должности. Работать, ведь, кому-то надо!

А ещё через месяц на этой Узловой произошла железнодорожная катастрофа: проходной поезд врезался в стоячий. Дежурила та же тетя-диспетчер. От спеца не защитишься. От дурака можно, от специалиста нет. Он всегда найдет способ, как желанную пакость сотворить.

Особой задержки, однако, не случилось – мы продолжали путь.

Жизнь продолжалась. Вернулся Валера, кроя последними словами Ленку, которая его опять куда-то не пустила. Чуть ли не в собственный вагон. Это, конечно, безобразие, как тут не выпить? Увы! Спирт кончился. Вроде много было, а поди ж ты...

Мало того, что выпивка кончилась, так и деньги как-то растаяли. А мы еще и до места не добрались. Положение спас Боб. Широким жестом он извлек бутылку в блестящей оболочке. Советское виски. Пили когда такое? Нет? Правильно делали. Поймать бы изобретателя и яйца отрезать. Никогда в жизни так не блевалось, как от этого поила с благородным названием. До туалета не добежишь.

Проснулся я в полдень с тяжелой головой. Опохмелился малосольным огурцом. Боб принял одеколон Сирень, а я не стал. Цветочный одеколон не употребляю, тройной – другое дело. Пашка еще был на взводе от Виски (Советского, крутого). По этой причине драл глотку:

Что же мне делать, девушек нету

Файдули-файдули - фай

Эх полечу на другую планету

Файдули - файдули - фай

Вставлю перо я в пятую точку

Файдули- файдули - фай

Эх, проведу на Венере я ночь.

Файдули- файдули - фай

Водку возьму я в спутницы странствий

Файдули- файдули - фай

Эх, чтобы не скучно мне было в пространстве

Файдули- файдули - фай

Лучше возьму я деву земную

Файдули - Файдули - фай
 Эх, а не то пролетаю в пустую
 Файдули - файдули - фай

Ну и дальше в том же духе. Песня длинная.

Понял я, что надо что-то делать, а то общество загниет на корню. Тут вовремя вспомнил, что наши вожди рекомендовали запретить в стройотрядах карточные игры. Самый момент хоть что-то сделать назло. Отправили Пашку спать (пусть во сне вставляет себе перо в пятую точку или в любую другую), а сами вчетвером сели писать пулю.

Мы не были, конечно, начинающими преферансистами, но и профи тоже не были. В неофициальном первенстве ВУЗов Москвы по преферансу мы стали участвовать уже после целины, на втором курсе. А сейчас просто тренировались, благо у Фридмана деньги еще были, и был шанс их у него отобрать. Все забавы с тезисами типа «злейшие враги преферанса – жена, скатерть и шум», «от игрокка – с семачка, а от вистуза – с туза», «хода нет – ходи с бубен», «кто играет шесть бубен – тот бывает наебен» и т.п. были позади. Мы серьезные люди и игра серьезная. Требуется интеллект и внимания. Ну, и везения тоже. Тем более – на деньги. Азартные игры для тонуса вещь полезная...

И увлекательная.

Трудились мы часов семь, ни на что не отвлекаясь, даже на обед и песни. Деньги у Фридмана отобрали (а не играй мизер в темную!), дав ему немного взаймы.

За окном между тем простиралась степь. Час: один, второй, третий; сутки одни, вторые, третьи нес нас курьерский сквозь открытое пространство. Ни деревца, ни кустика. Земля раскинулась до горизонта, что тарелка ровная. Только станции-полустанки выглядели некими оазисами, клочками зелени с пирамидальными тополями. А так – необитаемое пространство, ночью – ни огонька. Было тут чего осваивать.

Проехали Петропавловск (не какой-нибудь Камчатский, а наш, коренной). Приказ – скоро Булаево, готовьтесь к десантированию.

Состав остановился.

Мы вступили на Казахстанскую землю.

Надо было начинать новое дело, которое потом разгорелось ясным пламенем по всей стране. С энтузиазмом первопроходцев рвались мы к вершинам, к Городу Солнца. Мы думали, что строим Вавилонскую башню, но на самом деле рыли Котлован, куда потом рухнуло все: и страна, и целина, и наши постройки, и наши мечты-идеи. Мы думали: котлован – начало великой стройки, а он оказался братской могилой. Реальность, как в повести «Вверх по лестнице, ведущей вниз». Мы изо всех сил бежали по эскалатору вверх, но эскалатор шел вниз. И чем быстрее мы бежали вверх, тем активнее спускались вниз. Да, самые ушлые достигли верха и перелетев через океан осели там на вечное жительство. Мы же рухнули в яму. Сначала, как мыльный пузырь, лопнула идея целины, затем – идея социализма-коммунизма. А идея ССО? Что идея ССО? Она не пережила своих создателей. Тихо сдохла...

Пора, однако, начинать.

Пьяный ветер свободы – покати нас шаром.

13. Вышел я аккуратно напротив здания вокзала - белого, каменного домика, с позывами на классицизм. Неизменные тополя, но не пирамидальные, а вполне раскидистые. Клумба в оформлении побеленных кирпичей. В центре белая же гипсовая скульптура первоцелинников: мужик и баба бережно прижимают к себе снопа пшеницы.

На стене – выцветший лозунг:

«КПСС – БАЛДЫРМА! ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН – БАЛБУЧОК!

Однако! – подумал я. – Выразителен казахский язык. Ленин-то действительно Балбучок, а компартия – Балдырма. Точнее не скажешь.

Но особо философствовать некогда – надо рвать когти. Поезд стоит не долго. Выкинув свой рюкзак на перрон, я побежал в хвост состава разгружать лабораторию. А то все стекло перебьют, и все кислоты-щелочи разольют активисты малограмотные. Это все пригодится – чувствовал я. Нужна ли она школьникам – не факт, а мне точно нужна: взорвать чего, самогонку отогнать, наркотик какой сварганить, яд сварить, лекарство... Мало ли забот у химика?!

Пашка-комсорг рванул в другую сторону – туда, где выгружали-делили продукты. Тоже дело важное. Бросок был своевременен – удалось из-под носа физиков утащить два ящика колбасы и мешок сухофруктов. Долго-долго мы этим питались.

Кухарка Эля мутным пойлом нас поит,
Уверяя при этом, что это пойло – компот.

За нами были поданы открытые грузовики с лавками. Мы быстро погрузились и рванули на волю в пампасы.

Как пишут в романах – окрест простиралась широкая (бескрайняя) плоскость малой кривизны. Час летит машина, второй, третий – пейзаж тот же. Земля и небо, как вода и небо в море. Ни кустика, ни деревца, ни холмика, ни оврага, ни водоема, ни зверя, ни человека. Пустота! Хотя кругом – пшеница. Откуда взялась?

Машины поднимали пыль, густую и чёрную. Дышать мешают. А мы и не дышали – мы пели. Точнее орала, разложенную на мужскую и женскую партии, Голубку:

А когда помрешь ты, милый мой дедочек,
А когда помрешь ты, сизый голубочек,
Во середу, бабка, во середу, Любка,
Во середу ты моя сизая голубка.

На кого покинешь, милый мой дедочек,
На кого покинешь, сизый голубочек,
На деверя, бабка, на деверя, Любка,
На деверя, ты моя, сизая голубка.

Деверь будет драться, милый мой дедочек?
Деверь будет драться, сизый голубочек,
Боронися, бабка, боронися, Любка,
Боронися, ты моя сизая голубка.

Сначала мы все ехали вместе. Химики – часть в Ждановский совхоз (в тот в котором в прошлом году были физики), а другие две части – в новые хозяйства – Чистовский и Советский. Вскоре пути наши разошлись и мы, повинувшись неведомым ориентирам (на дороге указателей не было), повернули в сторону совхоза Советский. Самый добровольно-сознательный, надо полагать.

Нашу скачущую по кочкам машину вёл молодой парень. Он не сидел в кабине, а, открыв дверь, стоял на подножке, повернувшись задом к дороге и заглядывая в кузов, в попытке привлечь к себе внимание девчат. Те же с энтузиазмом продолжали

Чем же борониться, милый мой дедочек,
Чем же борониться, сизый голубочек,
Ледорубом бабка, ледорубом Любка,
Ледорубом ты моя сизая голубка.

Машина сделала рекордный скачок, борта разошлись, и скамья рухнула вниз. Раздался дружный вопль сзади сидящих – передние седоки придавили им ноги.

(Продолжение возможно)